

18+

Иви Позитиви

ЗАДНИМ ЧИСЛОМ

ДжазЕкшн в трёх отделениях

Иви Позитиви

**Задним числом. ДжазЭкшн
в трёх отделениях**

«Издательские решения»

Позитиви И.

Задним числом. ДжазЭкшн в трёх отделениях / И. Позитиви —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503477-9

Жизнь столкнула с крыши одиночество. Школьники готовятся к выпускному. Учительнице поздно ждать простого человеческого «щаз я». Дверь скучала пока не оказалась между мужчиной и женщиной. Порог заскрипел от радости. Тук-тук откройте! Йог медитировал под деревом пока чакры во весь голос не закричали:— Что за на! Школьники в лесу — это не только громкая музыка...

ISBN 978-5-00-503477-9

© Позитиви И.
© Издательские решения

Содержание

Отделение первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Задним числом ДжазЭкшн в трёх отделениях

Иви Позитиви

© Иви Позитиви, 2019

ISBN 978-5-0050-3477-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отделение первое

«Берегите ваши „Чакры“, они не восстанавливаются»

Школа!

– О, нет!!! – кричите вы первого сентября.

Школа!

– О, да!!! – кричите вы двадцать пятого мая.

Выпускной!!!

И да, и нет...

Шутки шутками, а давайте перейдём к 11-тому Бэ, сумевшему поднять Кундалину так высоко, что космосу и не снилось. Энергетические потоки подняли волну безумных событий, чтобы разбить их об берега Богодуховского колледжума №2 с непонятно каким уклоном. Хотя какая свадьба без баяна... ой, какая школа без уклона, вернее, свадьба без драки или выпускной без приключений. Короче, один несчастный всю жизнь искал идеальную женщину, а она ждала принца на белом коне, и когда этот принц приехал, то что-то во Вселенной пошло не так. Директор школы получил по заслугам, выпускники аттестаты, несчастная женщина идеального мужчину, несчастный влюблённый винтовку, а выпускники Кекс и Коца думали, как избавиться от тупа. Все мы малая часть чего-то большого.

11-тый Бэ собрали на последнем классном часе. Марь Ванна подняла руку – и класс замолчал. Ненавидя свой класс за то, что он отнял у неё лучшие одиннадцать лет жизни, Марь Ванна смаковала новость, во имя которой явка на классный час была обязательной.

– Итак, 11-тый Бэ, учёба позади...

Не дав Марь Ванне договорить, тридцать два молодых организма заорали в один голос:

– О, да!!!

Класс так радостно кричал, будто 11-тому Бэ пообещали пожизненный «безлим» на интернет. Марь Ванна подняла руку, чтобы остановить тайфун радостных криков.

Стоп! Кто такая Марь Ванна? Как выглядит? Что любит? И что ненавидит, кроме 11-го Бэ?

Марь Ванна была среднего роста, такая себе пышечка с длинной косой, закрученной на голове калачиком. Двустоволку маленьких слезящихся глаз прикрывали огромные и старомодные очки. Как и очки, неизменными были маленькие, не седеющие усики и вечно красные бусы при любом наряде. Милая душечка, добрейшей души человек, Марь Ванна отдала рай-центру Богодухов все самое лучшее, получив взамен самое худшее, что может дать населённый пункт, в котором на тысячу жителей один знает, что такое культура и как она «прэ». На две тысячи один знает, что такое любовь, и на три тысячи она одна. Единственное, что ждала бедная учительница, это пенсию, до которой оставалось всего ничего. Марь Ванну все достало. Жизнь не удалась. Она никого не хотела видеть. Возвышенная когда-то, Марь Ванна теперь не смеялась ни над чем. Даже над шуткой про водителя со стажем, который вставляя «флешку», автоматически ее поворачивает. А когда-то Марь Ванна смеялась над «Колобок повесился». И что теперь? А ничего. Листья с деревьев жизни опадают, она, шурша, прогуливается по парку разочарований. Маленькая комнатуха в общежитии «щедро», подаренная городом за 25 лет работы в школе. Одна среди четырёх стен. На одной стене висит портрет Тараса Шевченко, а на другой Маяковского. Оба поэта смотрели на неё исподлобья, когда холодными вечерами, она, греясь дешёвым вином, спрашивала у неба:

– За что?

Супруг Марь Ванны сначала должен был быть высоким зеленоглазым шатеном в шикарном пальто осенью, в дублёнке зимой, весной в костюме цвета мороженого и в белой рубашке

с короткими рукавами летом. Брюки и туфли во все времена года должны были быть чёрными. Естественно, трёх раз не надо, чтобы угадать, кто встречался ей на жизненном пути. Кто угодно, только не зеленоглазый высокий шатен. Не повезло Марь Ванне выйти замуж. Осталась одна в четырёх стенах: ни «лайка» ни « комента ». Тупо жила для идиотов. Вот такая вот радость на старость. Считая дни, когда она выйдет на заслуженный и долгожданный отдых, Марь Ванна не задумывалась над тем, что она будет делать на пенсии. Для неё было главным не видеть на своих уроках « тупонатов », уткнувшихся в экран смартфона. Этих пышущих здоровьем и счастьем, для которых жизнь, как по расписанию, предоставит все самое лучшее и за так, не потребовав взамен ни усилия, ни горя, ни капли разочарования. Просто так, – на тебе дом, машину, семью, детей и прочую лепоту. И плюс к этому, отдельным бонусом их ждала студенческая жизнь, где весело, интересно, и общежитие со всеми вытекающими приятными последствиями. Пропустив мимо себя жизнь, грех было не испортить её другим. Как испортить аттестат, вернее, как поставить заслуженные оценки, эту идею Марь Ванна начала вынашивать с начала учебного года. Поступит ли класс в университет или нет, было во власти Марь Ванны. Это единственное служебное положение, которым Марь Ванна намеревалась воспользоваться. Об этом никто не знал, и это не могло не радовать. Никто и предположить не мог, какое наказание готовит преступление. Благая (так за глаза называли Марь Ванну), как и раньше, приходила на уроки и, написав на доске тему, ровным спокойным голосом вещала, как это важно знать историю своего края. Никто не слушал учительницу. Ученики наперёд знали свои оценки, за которые договорились с директором школы их маменьки и папеньки.

Единственный мужчина, который знал, что он волнует Марь Ванну, это был Эраст Эдуардович Голубович, – директор школы. Импозантный мужчина под шестьдесят пользовался успехом у женщин. Рост у директора был выше среднего, всегда при параде: светлый костюм, белая рубашка и неизменный красный галстук щедро усыпанный белым горошком. Положительный образ дополняли блестящие лакированные туфли коричневого цвета. Особо гордился директор шевелюрой, которой не могли похвастаться его ровесники. Встретив такого мужчину, женщина читала на его лице:

«Я хоть и ношу седину на висках, но я такой мачо-кукарачо, что меня стоит попробовать».

И пробовали многие, кроме Марь Ванны, которую Эдуардович берег на потом. Не подпуская никого к себе ни злым, ни добрым словом, Марь Ванна таяла, стоило Эдуардовичу высморкаться, не говоря уже о сладком:

– Марь Ванна, можно вас на пару ласковых и обворожительных...

Марь Ванна слушала песню старого соловья, который, прощептав о переменчивой погоде и о том, как быстро летит время, плавно перешёл к делу.

– Вот что мне в вас нравится, Эраст Эдуардович, так это всё, – улыбаясь, шутила Марь Ванна, а может, и не шутила.

Старый перец театрально рассмеялся, как над шуткой врача, которому пациент после операции говорит спасибо, а тот в ответ заявляет, что он не доктор, а Апостол Павел. Продолжая выдавливать хи-хи, директор закончил шутейный разговор вопросом:

– Так как мы поступим?

– А заявлю ка я на вас в антикоррупционный комитет.

Шутки в сторону, улыбка исчезла с лица директора. Пауза длинной в анекдот: «Фамилия? Ослов! Инициалы? И.А.» – прошла, и директор рассмеялся, как человек, до которого достучалась шутка:

– «Почему у тебя одна нога 41-го размера, а вторая 45-го?

– А у меня дед воевал».

– Ну, Марь Ванна, – игриво браня пальцем, смеялся директор, – вам надо в комеди «Вумэн» выступить или на «Рассмеши гномика».

Рассчитывая на бурный смех, после типа я перепутал комика с гномика, директор, глупо улыбаясь, ждал на заслуженную похвалу в остроумии. Марь Ванна и впрямь хотела взорваться смехом, но из темноты коридора вышел учитель музыки Клеопатр Акакиевич Грай. Приподнятое настроение сменилось напряжением. Марь Ванна отвернулась, нервно закашлявшись. Эраст Эдуардович строго взглянул на учителя музыки, который, как оказывается, не давал Марь Ванне проходу. За что и был уволен, когда посреди урока при всём классе признался ей в любви, причём так страстно, что исцеловал бедной учительнице все ноги.

– Я пришёл за своими инструментами...

Клеопатр, поздоровавшись, стоял в ожидании привет или пока. Не дождавшись ни того ни другого, экс-учитель музыки поправил очки и, дико извиняясь, сошёл с места. Но, не сделав и пару шагов, остановился, посмотрел на свою любовь и сказал страстным шёпотом:

– Ты все равно будешь моей!

– Клеопатр Акакиевич! – строго сказал директор. – Вас заждался контрабас.

Проводив взглядом бывшего учителя, Эдуардович повернулся к Марь Ванне и, заглянув ей в глаза, спросил:

– Все хорошо?

– Я согласна.

– Вот и ладненько! – заулыбался директор и, вытащив блокнот, оторвал листок, где были записаны фамилии лоботрясов, которым надо зависить оценки.

Взяв листок, Марь Ванна бегло пробежалась по фамилиям и, тяжело вздохнув, посмотрела на директора.

– Марь Ванна, родненькая, – улыбаясь, сказал директор, молитвенно сложив ладони.

– Только ради вас, Эраст Эдуардович, – сказала Марь Ванна и, пожелав всего хорошего, пошла в учительскую.

Сказав про себя «Ес», директор пошёл к себе в кабинет, но, вспомнив, развернулся и окрикнул Марь Ванну.

– Я совсем забыл сказать...

– К нам едет ревизор, – решила пошутить Марь Ванна и попала в точку.

В школу действительно ехала проверка. Вернее, инспектор по инновациям и реформам образования.

– Не с проверкой, а, как сегодня модно говорить, для мониторинга учебного процесса, – кивая головой, саркастично сказал директор.

– Будем молиться, что не введут тринадцатый класс, – в тон директору иронизировала Марь Ванна.

– Вы так же шутили про одиннадцатый и двенадцатый класс.

– Да бросьте, это совпадение.

– Ой, я извиняюсь, – вытащив телефон, сказал директор.

Пока директор открывал «SMS», которое сообщало, что на его банковскую карту перевели деньги, Марь Ванна перевела взгляд на стену, где кто-то нацарапал: «Цой жив». «Неужели его кто-то ещё помнит?», – подумала фанатка группы «Кино». Затем в глаза бросилась нецензурная надпись, утверждающая, что любой, кто слушает «РЭП» рифмуется с именем Тарас. Щадя свой мозг, Марь Ванна перевела свой взгляд от стены в окно, из которого открывался вид на аллею, ведущую в школу. Аллея лежала в живом коридоре тополей и классика: перевёрнутые урны с мусором и сломанные лавочки, на ремонт которых столяры давно махнули рукой. Вся школа была на уроках. Рай школьной тишины дополнялся майским солнцем, щедро залившим во все окна. Вдали аллеи нарисовался силуэт высокого мужчины, шагающего по направлению к школе. По мере приближения силуэт все больше и больше приобретал очертания импозантного мужчины в костюме цвета мороженого. Когда же мужчина приблизился настолько близко, что можно было разглядеть ямку на его подбородке, то Марь Ванна чуть не упала

в обморок. К школе приближался высокий зеленоглазый шатен. Не веря своим глазам, Марь Ванна перевела взгляд от окна снова на стену, из которой ей бросилась в глаза яркая надпись: «Марина я тебя люблю».

– Этого не может быть, – неслышно прошептала Марь Ванна.

– Что? – все-таки услышал директор.

Придя в себя, Марь Ванна вопросительно посмотрела на директора. Тот, в свою очередь, переспросил, все ли у неё хорошо и, получив утвердительный кивок головы, открыл рот, чтобы сказать потрясающую новость. Марь Ванна снова посмотрела в окно. Мираж исчез. Печалька.

– А вот и мы, – глядя в горизонт коридора, иронично пропищал директор.

– Кто это мы? – переспросила Марь Ванна, пытаясь разглядеть, кто идёт по коридору.

– Штирлиц идёт по коридору, – протянув руку директору, сказал инспектор, решив начать знакомство с шутки.

– Знакомьтесь, Марь Ванна, – фальшиво изображая радость, сказал директор, – инспектор по инновациям и мониторингу, Тарас Ананич Сладенький.

Открыв рот от изумления, Марь Ванна смотрела на мечту всей своей жизни: высокого зеленоглазого шатена в костюме цвета мороженого. Не помня себя от счастья, Марь Ванна протянула руку, которая тут же утонула в жарких ладонях инспектора.

– Тарас Ананич молодой и перспективный, – сыпал комплименты директор.

– Это прекрасно, – лепетала Марь Ванна, заворочено глядя инспектору в глаза, как девочка.

– Так сказать, новая волна образовательной номенклатуры.

– Это восхитительно, – словно молодая Джульетта, говорила Марь Ванна.

– Тарас Ананич будет проверять оценки выпускников.

«Это ужасно», – подумала Марь Ванна. Но вслух продолжала тараторить: «Это чудесно», «Это потрясающе», «Это приятно», думая при этом, как скрыть своё преступление и заполучить зеленоглазого красавчика.

Желая остановить поток незаслуженных комплиментов с ярко выраженными нотками грубой лести, зеленоглазый шатен, нежно взял Марь Ванну за локоть и жарко опалил ей ухо знойной хрипотцой:

– Разрешите, я буду называть вас просто Мария.

– Разрешаю, – пролепетала Марь Ванна, голосом девушки семнадцати лет.

– Все равно ты будешь моей, – услышал инспектор. – Ой...

– Клеопатр Акакиевич, – строго сказал директор.

Ухо инспектора горело от страстного шепота.

Коцарский и Кексинович были закадычными друзьями с первого класса. Подружила их общая беда под названием Серёга Симоненко. Появился он во втором классе. Оставленный на второй год здоровенный бугай с лицом орангутанга терроризировал весь класс с первого дня своего появления. Сначала он передёргал всех девочек за косички. Дальше пошёл естественный отбор среди мальчишек. Коца и Кекс (те самые Коцарский и Кексинович) были последним звеном в пищевой цепочке, и так продолжалось до тех пор, пока в школьной столовой они не подсыпали в свой компот слабительное. Дав слабакам подзатыльники, Серёга сначала забрал у них еду, а потом оставил без компота. Для вида изобразив обиду, Коца с Кексом наигранно заплакали, смеясь про себя, когда Симоненко обзывал их плаксами. Дальше начался урок, посреди которого Серёга потянул руку, умоляя учителя, выпустить его на пять минут.

– Одна нога здесь, другая там, – обещал Серёга.

– Урок музыки – это святое! – дрожащим голосом сказал Клеопатр Акакиевич. – А если бы Бах отвлекался по пустякам, когда писал свою бессмертную седьмую симфонию?

Певун (такую кличку дали учителю музыки) – единственный учитель в школе, который ни за что и никогда не отпускал со своих уроков. Коца и Кекс знали, когда подавать компот. Сначала принялся Певун, а потом класс обернулся и посмотрел на Серёгу Симоненко, который, выпучив глаза, пытался обратить необратимое. С тех пор Серёга притих аж до выпускного класса. Пару раз он пытался восстановить права лидера, но Коца и Кекс быстро напоминали ему компот, и Серёга под общий хохот тушевался и так просидел в тихонях до выпускного класса. С тех пор Кекс и Коца прослыли школьными приколистами, чьи выдумки сорвали не одну контрольную. И вот теперь наступило время для их лебединой песни. Приколисты задумали оставить после себя такую память, поворошив которую, на душе станет легко и весело. Прогуляв урок, Коца и Кекс зашли в женский туалет и, перехихикиваясь, приступили к подготовке прикола. После случая с Серёгой, хохмачи сделали много чего весёлого. То добавили надпись: «Подождите учителя», к дорожному знаку: «Школа. Проезжайте тихо, не убейте ребёнка». Если классу не нравился какой-то учитель, то Коца и Кекс знали, что делать. Например, ручку двери намазать вьетнамским кремом-бальзамом «Звёздочка», а если вообще доставал, то дверь снимали с петель, и при открытии она падала на учителя. Стул не забывали посыпать мелом, а на стол рассыпать чёрный молотый перец. По мере взросления шутки ставали более изощрённые. И тут ребята перегнули палку и вернули авторитет Серёге Симоненко. Как говорится, полезли туда, куда очень хотели, но не знали как. Самая красивая девчонка в классе, Катрин, сводила с ума не только всех парней, а и учителей мужского пола. Красивой блондинке с голубыми глазами стоило взглянуть или поманить пальчиком, и все было так, как ей хотелось. Любая оценка и прихоть выполнялась мгновенно. Никто даже не смог предположить, что над королевой красоты можно подшутить. Коца и Кекс решили дерзнуть. Жизнь приколистов испортила обычная прищепка, к которой была привязана нитка. Прищепку, незаметно прикрепили сзади подола юбки, а нитку закинули на плечо ближе к груди.

– Что это за фиготень, – потянув нитку, сказала Катрин и явила классу свои прекрасные белые трусики в красную клубничку.

Серёга Симоненко сразу поймал момент. Подбежав к диверсантам, он треснул их лбами, и повалил на пол. Дальше началось самое страшное. Взяв швабру, Катрин подошла к горе-приколистам и начала избивать бедолаг не по-детски. Никто не решался остановить Катрин. Особенно парни, которые выпучив глаза, уставились на подол юбки, который все ещё оставался задраным. Когда переломалась швабра, Катрин велела Серёге Симоненко поднести два ведра с грязной водой. Но облить «шутников» грязной водой было мало. Взглядом, велел Серёге надеть на головы несчастных ведра, Катрин начала по ним барабанить обломками швабры, и неизвестно насколько далеко бы она зашла, если бы в класс не зашёл Певун.

Выхватив обломки швабры, учитель музыки велел всем замолчать и немедленно сесть за «патли». Сев за парты, которые имел ввиду учитель, класс никак не мог успокоиться. На истерические крики учителя Коца и Кекс поднялись и, не снимая ведра, сели за «патли».

– Молчать!!! – плюясь, крикнул учитель, но класс не унимался.

Сняв с пострадавших ведра, Певун ещё раз крикнул настоятельную просьбу сделать тишину. Класс никак не мог «заглохнуть» и, несмотря на классические угрозы вызвать директора и поставить всем неуд за поведение, «ржу не могу» продолжалось. Заметив, что его тайком снимают на телефоны, Певун незаметно поправил причёску, проверил ноздри и ширинку, и «О, ужас!», – громом разразилось в его голове. Взглянув на Катрин, которая в отличие от остальных не села на своё место, Певун, невнятно пробубнив просьбу сесть за парту, повернулся к доске, якобы написать тему урока. Стоило ему обернуться, как класс накрыла новая волна смеха. Кекс и Коца переглянулись, и заговорщицки улыбнулись своей проделке приклеить учителю на спину клочок бумаги с надписью: «Я Супер Лох!». Но Клеопатру Акакиевичу было плевать на смех – главное быстро застегнуть ширинку. Но молния не спешила подчи-

няться из-за «хозяйства», которое, помня клубнику на белоснежных трусиках Катрин, стояло как стрелки часов, показывающие на циферблате без пяти двенадцать.

Вдруг стало чудо – класс затих. Нервно дёргая змейку молнии, Певун с ужасом осознал, что с ним третий раз здороваются директор школы. Облегчённо вздохнув, когда от властного голоса директора «хозяйство» улеглось, Певун резко дёрнул молнию – и змейка поломалась.

– Что тут происходит? – выйдя из-за спины директора, поинтересовалась Марь Ванна, взглядом сверля Певуна, который продолжал стоять ко всем спиной и дёргал молнию, делая руками манипуляции неоднозначного толка.

Услышав голос своей возлюбленной, Клеопатр силой мысли пытался перевести стрелки циферблата на полшестого, но, увы, любовь – это всегда без пяти двенадцать. Сделав три коротких вдоха и выдоха, Певун развернулся и, глядя на Марь Ванну, как испанский тореадор, кинулся к ногам своей любви, не обращая внимания на класс. Дальше все было прекрасно и грустно. Сделав страстное признание в любви, Клеопатр навсегда лишился своей возлюбленной. Во-первых, во-вторых, и, в-третьих, его выгнали с работы. Но сможет ли это остановить тайфун любви? Любовь Клеопатра сместила Марь Ванну, но когда Певун расцеловал ей ноги, забавы кончились, и началась тревога. Марь Ванна избегала Клеопатра Акакиевича, а теперь она его боялась, и не зря. Не прошло и три дня после его увольнения, как он снова появился. Как всегда, восьмой или тринадцатый раз, проснувшись по малой нужде, Марь Ванна, вернувшись с уборной, в ужасе обнаружила в своей постели сгусток волосатой плоти мужского рода, намеренной проникнуть туда, куда ни-ни. Раскрыв одеяло, Марь Ванна заголосила на всё общежитие, перекрикивая страстные признания в любви, которые с пеной у рта изливал Клеопатр. На сей раз «Ромео» перестарался. Приехала полиция, завели дело, и Клеопатр пошёл на сделку. Марь Ванна предложила забрать заявления в обмен на то, что Клеопатр выедет из города и никогда не вернётся. Выйдя на свободу, Певун выдумывал причины, по которым не может вот так сняться и уехать. То требуется уплатить долг за коммуналку, то не на кого оставить кота, надо подождать, и тому подобные сказки. Единственной правдой было то, что у Певуна нет денег. Однако, что касается оставить Марь Ванну в покое, Клеопатр был человеком слова. Держал, как и обещал, пока не встретил возлюбленную в школьном коридоре. Вот тут он не смог удержаться, когда на его глазах красивое существо без единого дефекта заигрывало с его возлюбленной. Но это был миг слабости, после которого Клеопатр, извинившись, испарился. В городе об учителе музыки никто не слышал уже больше месяца.

Коца и Кекс, желая вернуть былую славу, особенно тщательно готовились к сюрпризу на выпускной. Услышав, что выпускной будет задним числом, они не на шутку забеспокоились. Пытаясь остановить гул недовольства, Марь Ванна, в который раз ударив указкой по столу, приказала сделать тишину. Но «почемушки» и «что за дичь» не затихали.

– Ещё раз! – перекрикивая возгласы «Что за бред», произнесла Марь Ванна. – От нас ничего не зависит, все вопросы в министерство.

– Как может быть выпускной без аттестатов? – спросило безликое лицо класса.

– А вот так, задним числом. – ответила Марь Ванна. – Сначала выпускной, а потом вручение аттестатов. Я не виновата, что министерство их не выдаст в намеченный срок.

– Да причём тут, – вдогонку крикнул все тот же безликий голос.

Но было уже поздно. Изобразив обиду, Марь Ванна была весьма довольна собой. Во-первых, она внушила классу чувство вины, прекрасно сыграв обиженную учительницу, во-вторых, хоть чем-то огорчила жизнь этих вечно цинично счастливых балбесов, и наконец, самое приятное, в-третьих. Инспектор был полностью её отрыжкой. Такой же принципиальный и честный профессионал своего дела. Не успел он появиться в школе, как сразу запросил документацию за последние пять лет. И о-ля-ля. Сверив годовые и оценки, которые получали ученики на протяжении четверти, Тарас Ананич присвистнул как раз в тот момент, когда в кабинет

зашёл Эраст Эдуардович. Желая подлизаться, директор, весело улыбаясь, приподнял пакет, в котором было всё для обмыть такое дело. Услышав, какое дело обнаружил Тарас Ананич, директор понуро опустил пакет и, лелея надежду, что все замнётся, слабо улыбнулся и, виновато разведя руками, сказал:

– Это ж наши дети. Пусть всем будет хорошо.

В ответ инспектор не улыбнулся. Во-первых, хорошо было не всем, а только избранным, а во-вторых, куда, позвольте узнать, делись деньги.

– Какие деньги? – изображая невинность ребёнка, переспросил директор.

Но подбородок таки у Эраста Эдуардовича задрожал. Спонсоры, родительские деньги, школьный автобус, бесплатное питание для малообеспеченных, ремонт помещений, тренажёрный зал. Одним словом, было от чего дрогнуть подбородку.

Взяв себя в руки, Эраст Эдуардович сказал:

– Это какое-то недоразумение.

Не теряя надежду договориться, директор вновь поднял пакет и предложил все-таки обмыть такое дело. Но инспектор так посмотрел на директора, что тот, глупо улыбаясь, попятился из кабинета, извиняясь за то, что помешал. Запросив дополнительную документацию из района, Тарас Ананич ахнул от того, сколько можно заработать на обычной школе.

В предынфарктном состоянии Эраст Эдуардович закрылся в кабинете и, шагая, со стороны в сторону, думал, что ему делать. Мысли скакали без толку – ничего не лезло в голову. Достав коньяк, директор более-менее успокоился после третьей рюмки. Открыв форточку, Эраст Эдуардович любовался школьным двором, по которому, сломя голову, носились мальчишки, играя в футбол. Выругав про себя инспектора, который был в шаге от того, чтобы сломать ему всю жизнь, директор закрыл форточку и, не успев он налить четвертую рюмку, как окно разлетелось вдребезги. Футбольный мяч разбил не только окно, а и попал в бутылку коньяка. Директор, красный от злости, схватил мяч и повернулся к окну. Школьный двор опустел, лишь Клеопатр Акакиевич понуро тащил на спине контрабас.

Почувствовав на себе взгляд, Певун задрал голову и виновато улыбаясь, сказал директору:

– Это же дети.

– Клеопатр Акакиевич! – крикнул директор.

– Это не я! Это 11-тый Бэ-э-э! – как баран, оправдывался Акакиевич.

– Зайдите ко мне на минутку!

– Это не я! – крикнул Певун и побежал.

– Стой, идиот! – крикнул директор, но Певун взял «ноги в руки» и дал дёру.

Понимая, что пока он спустится, учитель музыки будет далеко, директор крикнул ученикам, которые прятались по углам, чтобы те ловили хулигана. Довольные тем, что вину переложили на другого, ученики с удовольствием побежали за бывшим учителем музыки. Впереди всех бежал Серёга Симоненко. За ним бежало трое одноклассников: Плэй, Эскэйп и Андроид. Андроид звали Андрей, а фамилия у него Дроид, за что он получил свою кличку, было понятно, а вот причём Плэй к Тимуру Плетнёву и Эскэйп к Толику Кукушкину было непонятно, как и то, почему за одиннадцать лет Серёге Симоненко никто не дал кличку Семён.

Испугавшись не на шутку, Певун, несмотря на контрабас, бежал, что кениец. Учитель, увидев за собой погоню, свернул в переулок, через который он всегда ходил в школу. Там в сокровенном месте из-под земли торчала железяка, так хорошо знакомая его ботинкам. Желая выслужиться перед директором и потом похвастаться перед всем классом, Серёга гнал тело на всех парах. Ещё шаг, два, прыжок, и он схватит Певуна за шиворот. Шаг, два, а вместо прыжка полет и пузом в лужу. Клеопатр таки развёл преследователя на железяку, споткнувшись об которую, невозможно было не упасть. Так сказать, проверено на себе и на разорванных ботинках. Поднявшись с диким ором, что Певун за это ответит, Серёга вновь оказался в луже,

когда в переулок забежал Плей, а за ним Эскэйп и парень, носивший логическую кличку. Именно Андроид, ничего не видя, забежал в переулок и налетел на одноклассников, чудом не сбивших Симоненко.

Как известно, чудес не бывает. Валяясь в грязной луже, одноклассники думали, как объяснить, что с ними случилось. И только они нащупали более-менее приличный вариант, как все стало ещё веселее. Прямо на них бежал учитель музыки. Это хорошо. За ним гналась немецкая овчарка, а это не есть хорошо.

Школьники, выбежав на большую перемену, обсуждали разбитое окно директора и того, кто это сделал. Когда же во дворе появился Певун собственной персоной, все просто отказывались что-то понимать.

– Разбить окно и вернуться в школу, что за бред!? – сказал Коца.

– А отмечать выпускной задним числом это не бред? – заметил Кекс.

Друзья печально вздохнули, расстроенные тем, что последний прикол не состоится. Коца хотел предложить то же, что и Кекс, но следом за Певуном во дворе появился Серёга Симоненко и компания. Вся школа замерла, рассматривая перепачканную с ног до головы ватагу. Во двор выбежал директор с громкоговорителем в руках. Надеясь уговорить безудержный смех, Эраст Эдуардович, сам не зная, причём тут паника, крикнул:

– Без паники!

Во двор забежала немецкая овчарка. Вот теперь надо было кричать паника, но перепуганный директор детским голосом крикнул:

– Мапочка!

– Вот это я называю прикол, – засовывая швабру в дверные ручки, сказал Коца.

– Это да, – согласился Кекс, – удерживая двери, в которые пыталась ворваться вся школа.

Пережив приключение с овчаркой, Клеопатр Акакиевич в тревожном ожидании сидел в приёмной директора. Эраст Эдуардович лично вызвал учителя к себе в кабинет.

– Ну, Клеопатр Акакиевич, рассказывайте, как вы докатились до такой жизни, – улыбаясь, в шутку сказал директор.

Пытаясь разгадать, почему с ним шутят, Певун не спешил с ответом. Ёрзая на стуле, он мямлил что-то невнятное, которое сводилось к тому, что не он такой, а жизнь довела, и вообще, если его отпустят, то он больше не будет.

– Что не будете? Окна бить директору?

– Я не разбивал окна! – вскочив со стула, воскликнул Певун праведным фальцетом.

– А зачем, убежали? Как говорится: «На вору и шапка горит»! – крикнул директор, вроде бы обвиняя, и в тоже время смеясь.

Пытаясь выяснить, что происходит, Клеопатр Акакиевич набрался смелости и спросил напрямую.

– Ни в чём вас не обвиняют. Просто я хотел с вами поговорить, а вы бежать.

– Поговорить? Со мной? О чём?

– Не о чём, а о ком, – похлопав по плечу учителя, сказал директор.

Прекрасно понимая, о ком идёт речь, Певун встал и, взяв свой контрабас, направился к двери. Перегородив дорогу, директор извинился и в своё оправдание сказал, что упомянул о Марь Ванне только потому, что хочет взять Клеопатра Акакиевича назад.

– Назад?

– Обратно, – пояснил директор.

– Куда?

– На работу.

– А.., – ляпнув себя по лбу, сказал Клеопатр.

Не давая Клеопатру Акакиевичу опомниться от счастья, директор сказал:

- Мне кажется, что Марь Ванна в глубине души вас простила.
- О, я не верю своим ушам! От кого от кого, но от вас я такого не ожидал!
- Да что ж такое! – изображая обиду, говорил директор. – Я пытаюсь вам помочь, а вы в каждом слове видите колкость.
- Как вы можете мне помочь, если я обязан выехать из Богодухова.
- Не кипятитесь, мой друг, – усаживая Певуна, говорил директор. – Время прошло, все забылось. Если вы не будете так страстны, то кто знает, может, вы и будете вместе.
- Вы так думаете?
- Безусловно... вот только этот инспектор...
- Какой инспектор, – переспросил Певун, прекрасно зная, о ком идёт речь.
- Зеленоглазый высокий шатен.
- Тот, с которым я столкнулся в коридоре?
- Кажется, он хочет вскружить ей голову... или мне так показалось. Не важно, главное, вы согласны вернуться в школу или уже нашли новое место?
- Ха-ха-ха, – театральнo рассмеялся учитель. – Конечно, в нашей стране на каждом углу работа, а учителей музыки вообще отрывают с руками и ногами.
- Так что, оформляемся?
- А Марь Ванна?
- Эту неприступную крепость я беру на себя.

Эраст Эдуардович прятался от Марь Ванны целую неделю. Завидев её в коридоре, он сворачивал в первый попавшийся класс или подзывал к себе неважно кого и с криками:

- Это что за бардак! – немедленно приказывал следовать за ним в кабинет.

Перед тем, как уйти с работы, Эраст Эдуардович смотрел в окно и шёл домой только тогда, когда был уверен, что Марь Ванна вышла из школы. Одним словом, прятался, пока не попался. Это случилось, как всё неожиданное. Он тупо шёл, она тупо вышла и, – здравствуйте.

- Что это вы от меня прячетесь, Эраст Эдуардович? – игриво прочирикала Марь Ванна.
- Да куда ж мне от вас спрятаться, – в тон отшучивался директор.

Слово за слово, шутка за шуткой, и вопрос был задан.

– А что вы мне прикажете делать, – пожимая плечами, говорил директор, – министерство позвонило в районо, я, сами понимаете человек подневольный...

- Понятно, – многозначительно сказала Марь Ванна.

Глядя вслед уходящей учительнице, директор тяжело вздохнул. Ничего не поделаешь, надо спасать своё положение, пока зеленоглазый красавец окончательно его не испортил. Прямо на Марь Ванну шёл учитель музыки. В упор, не замечая свою возлюбленную, Клеопатр прошёл мимо Марь Ванны, даже не соизволив сказать «Здравствуйте». И это слегка задело неприступную крепость. Смотря вслед горе-ухажёру, Марь Ванна не могла взять в толк, что с ней не так. Она ожидала тысячу извинений и одну мольбу дать последний шанс, а оно, ты посмотри, прошло мимо даже без «здрости». Проходя мимо директора, Клеопатр на ходу спросил:

- Ну как?
- Красава, – сказал директор, подмигнув «Ромео».

Глядя на Марь Ванну, директор кивнул головой в сторону Певуна, пожал плечами и улыбнулся, что означало: «Вот видите, человек исправляется». Неукоснительно следуя указаниям директора, Клеопатр Акакиевич добился неплохих результатов. Само по себе то, что Марь Ванна не требовала выполнения обещания покинуть Богодухов, это уже очень даже ничего.

- От денег и женщин надо бежать, как от собаки...
- А кто это сказал?

- Неважно! Главное, что это работает, – учил директор.
- План по завоеванию сердца Марь Ванны был прост, как дерево калины.
- Вообще-то, калина – это куст...
- Неважно! Главное, не обращайтесь на Марь Ванну никакого внимания.
- И всё..?
- «И всё?», – передразнил Певуна директор. – Да не обращать внимание – это целое искусство, которое, как известно, кое-чего да требует.
- И чем же я должен пожертвовать?
- Одиночеством, неряшеством, вечной щетиной...
- Но лёгкая щетина придаёт мужчине сексуальность...
- Эта мифологема придумана авторами аффирмации: «Лучше раз родить, чем всю жизнь бриться».
- Афоризма...
- И этим тоже придётся пожертвовать.
- Эраст Эдуардович, давайте без ваших плоских шуток, а то я тоже могу срифмовать ваше имя и отчество.
- Эверест Эклипсович?
- Ну, почти...
- Так это ж не смешно.
- Зато не обидно.
- В смысле?
- Давайте вернёмся к нашим аффирмациям.
- Давайте! Повторяйте за мной: Я красавчик! Я нравлюсь женщинам! Я счастье! Я удача!
- Вы что, первый уполномоченный фан-клуба «На позитиве»?
- Нет, я просто трансерфингист.
- Вы знаете про «Транссёрфинг»?
- Я думаю, что о «транссёрфинге» не знает только маятник в кабинете физики.
- Я не совсем вас понимаю.
- Мы сделаем из вас статую Давида.
- Сей аллегорией вы хотите намекнуть, что я не настоящий мужчина.
- Скажем так, не идеальный.
- Мы когда-нибудь перейдём к сути вопроса!

Суть заключалась вот в чём. Певун, под чутким руководством Эраста Эдуардовича, приводит себя в порядок. И весь такой элегантный щёголем появляется в школе. Естественно, бывший растяпа небритой наружности производит фурор, все только о нем говорят, а он, в свою очередь, никого не замечает. И тут начинается психология. Подкормленная чувством значимости, Марь Ванна начинает страдать. Её просто бесит, что на неё не обращает внимания тот, кто ещё недавно не давал ей прохода. Марь Ванна умом вроде бы и продолжает сторониться навязчивого влюблённого, но бессознательно ищет повода с ним встретиться.

- И как долго оно будет искать? – сказал Певун, имея ввиду подсознание.
- Поверьте моему беглому опыту, – сердце женщины не такая уж неприступная крепость. Надо просто найти слабую кладку.

Время шло, а кладка так и не давала слабину. Первые дни Марь Ванна была крайне удивлена и озабочена такой метаморфозой, ожидая скорого подвоха, но Певун продолжал быть тихоней, а это самое главное. Успокоившись, Марь Ванна вплотную занялась зеленоглазым шатеном. Для этого она воспользовалась классикой, «типа я случайно с вами столкнулась». Осталось только дожидаться, пока Тарас Ананич соберёт все бумаги и предложить посильную помощь в проверке документации.

- Если, конечно, вы в ней нуждаетесь.

– О, Марь Ванна, – сладко пропел инспектор, – ещё как нуждаюсь.

Итак, помощь за помощью Марь Ванна добилась того, что они перешли на ты, а это вам не «Здравствуйте – До свидания». Марь Ванна так неистово оказывала помощь инспектору, что зеленоглазый шатен созрел для первого свидания. Видя, что зеленоглазый всюду пользуется Марь Ванной, директор принял решение действовать немедленно.

– Ну, и на на-на мне эта зараза? – рассматривая винтовку, ничего не понимал Клеопатр, как его там.

– Акакиевич, – напомнил директору своё отчество Клеопатр.

– Дело в том, что это вовсе не винтовка и не ружьё, и даже не автомат...

– Я так понимаю, что это совсем даже не бомба и не граната...

– В смысле?

– Я не тупой, Эдуард Эрастович.

– И тем ни менее это ружьё...

– Я тупой.

– Это ветеринарное ружьё «Санитар», предназначенное для дистанционного усыпления...

– Я не тупой, – сказал Певун, на этот раз не перепутав имя и отчество директора.

– Не могли бы вы взять его себе на хранение.

– Я тупой...

Ружьё было в кабинете директора. Без чехла. И, чтобы вынести его из школы, не вызывая у коллег и школьников разнотолки, требовался чехол от контрабаса.

– И для этого вам нужен я?

– Вы не помните, кто тут все время пел мантру про то, что он не тупой?

– Я...А

Взяв наконец в толк, чего от него хотят, Клеопатр облегчённо вздохнул. Сбегав за контрабасом, вернее за его чехлом, Певун согласился вынести ружьё только в день выпускного вечера.

– Это ещё зачем? – не сразу понял директор.

Певун многозначительно посмотрел на директора, и Эраст Эдуардович, особо не желая вникать в отсутствие логики, вынужден был протяжно сказать букву, которую просит выговорить врач, осматривающий ваше больное горло.

До выпускного вечера оставалась неделя, и все это время ружьё будет у Певуна. Об этом директор и не мечтал. За неделю может случиться много чего, что может заставить заряженное ружьё выстрелить. Весьма довольный собой, директор потирал руки. Саркастически смеясь в зеркало, директор, перед тем как чокнуться рюмкой коньяка со своим отражением, сказал:

– «Ибуибуди – хуйдао муди», – что в переводе с китайского значило: «Шаг за шагом можно достигнуть цели». Закусив выпитый коньяк лимоном, директор подошёл к окну и, глядя, как десятиклассники заигрывают с девятиклассницами, сказал:

– Ну что, Тарас Ананич, повоюем?

– Эдуард Эрастович... ой... я дико извиняюсь, – глядя на журнальный столик, сказал Тарас Ананич.

– Ничего страшного Ананий Тарасович, – сказал директор, убирая с журнального столика недопитую бутылку коньяка.

– Вообще-то, я Тарас Ананич...

– Да и меня зовут не Эдуард...

– Ой, – ударив ладонью себя по лбу, сказал инспектор.

– Без проблем, – улыбаясь, сказал директор, – знаете, какая у меня кличка? ЭЭ.

Как не пытался директор создать непринуждённую обстановку, напряжение с лица инспектора не исчезало, а напротив, чем больше он шутил, тем сильнее инспектор чувствовал неловкость. Решив перенести тяжёлый разговор на потом, Тарас Ананич извинился и, развернувшись, хотел выйти из кабинета, но вместо дверей открыл дверцу шкафа. Глядя в открытый шкаф, Тарас Ананич не знал, что и думать. В шкафу было развешено женское бельё и прочие глупости для романтического вечера.

– Я смогу все объяснить, – встретившись с осуждающим взглядом инспектора, сказал директор.

– У вас большая недостача и неоправданно завышены итоговые оценки, – красный как рак, сказал Тарас Ананич. – Пару золотых медалей придётся отложить.

– Надеюсь, на второй год никого не будем оставлять, – сказал директор, не теряя надежду обернуть все в шутку.

Надежды были напрасны, инспектор был неумолим. Единственное, что смог выиграть директор, так это время. Проверку документации по всем протоколам ревизии перенесли на завтра. Не успев выйти из кабинета, инспектор вновь вернулся и снова наварился на коньяк, за которым в сейф полез директор.

– Ой, я извиняюсь, а можно не завтра.

– Ну, если вы так настаиваете, – положив назад бутылку, сказал ЭЭ.

Завтра плохой человек, и это директор знал не понаслышке. Сколько раз, откладывая дела на завтра, мы, в лучшем случае, брались за них послезавтра, а послезавтра – это ещё худший человек, чем завтра, хотя ни такой страшный, как никогда. Узнав причину, по которой инспектор не мог немедленно провести полную ревизию, директор сам не верил в такое везение. Зеленоглазый шатен таки пригласил Марь Ванну на романтический ужин. Теперь оставалось ждать, когда ружье выстрелит. Вот уж правду говорят, что все в этом мире друг о друге заботятся.

Кекс были на десятом небе от счастья. Их пригласили на закрытую вечеринку перед экзаменом.

– Там соберётся вся крутизна 11-го Бэ!

– Ты хотел сказать, что там будет весь класс, кроме нас двоих, – сказал Коца, не понимая, зачем их пригласили.

– Ты что не понимаешь? Мы реабилитированы! Мы снова в крутизне!

Собравшись за школой, выпускной класс обсуждал последние новости. Мало того, что они должны гулять свой выпускной без аттестатов, так ещё им предстоит переаттестация.

– В смысле? – спросил Андроид, тот самый парнишка, которому довелось пережить не слабое приключение с немецкой овчаркой.

– Собака в коромысле! – сказал Серёга Симоненко, чтобы тот замолчал.

Взорвавшийся смех быстро отбил желание чем-то интересоваться.

Андроид был единственным, кому немецкая овчарка разодрала брюки в том месте, которое футболисты прикрывают руками, когда их команде назначен штрафной удар. Плэй и Эскэйп пострадали меньше, им разодрали брюки сзади. Просмотрев в «Ютубе» свой звёздный час, парни решили молчать, чтобы не нарваться на шутки Серёги Симоненко, который в отличие от товарищей не был на школьном дворе в разодранной одежде. Возмущение за возмущением, и класс таки закричал:

– Bay!!!

Оторваться перед тестами на природе прекрасная идея.

– А если мы плохо напишем тесты? – осмелился спросить Андроид.

– Prrrrrrrr, – зарычал Серёга Симоненко, и класс дружно взорвался смехом.

Решив вопрос когда, стал вопрос где. Отвергнув банальное предложение протусить ночь в клубах, класс решил оттянуться не просто на природе, а выбратсья в глухой лес – подальше от цивилизации.

- Та ну...
- Та на фиг...
- Боитесь, что собаки покусают? – сказал Серёга Симоненко. – Гав! Гав!
- Плэй и Эскэйп таки нарвались на шутку.
- Я знаю одну заброшенную хижину в лесу, – несмело сказал Андроид.
- Красава! – сказал Серёга Симоненко, протягивая руку на дай пять.
- Вот только там во дворе злая собака.
- В смысле, – не понял Симоненко.
- Это была шутка, – сказал Андроид, на всякий случай, сделав шаг назад.

Коца недоумевал, как Катрин могла снизойти до того, чтобы позвонить тому, кто при всех задрал её юбку. С чего это вдруг и как это так? Но Кекс был неудержим в своём оптимизме, забывая на все опасения, которые могли следовать из такого вдруг приглашения.

– Может, перестанешь ныть и поможешь мне собраться, – сказал Кекс, прерывая поток паранойи.

– Зачем тебе на крутой вечеринке швейцарский нож? – сказал Коца, глядя, как друг тщательно собирает рюкзак.

– Посмотри фильм 124 часа, – лаконично ответил Кекс.

– А если бы я был слепым мальчиком?

Два железных аргумента столкнулись на узкой тропинке логики.

– С какого прихода нас вообще зовут на такой крутой сейшин, – опять завел старую пластинку Коца. – Вот так весь год выставляли «игнор», и тут опа – не хотите ли круто зависнуть?

– Жизнь – удивительная штука, правда? – улыбаясь, сказал Кекс, укладывая в рюкзак фен.

Положив ладони на голову, как подросток в американских молодёжных комедиях, Коца хотел иронично воскликнуть: «Зачем!», но увидев, как друг пытается к рюкзаку примостить грабли, решил не спрашивать, зачем нужен фен в лесу. Его больше интересовала красавица Катрин.

– Пипец у нее писец, – сладко улыбаясь, сказал Кекс.

– Та и писец у нее пипец, – представляя то, что говорит, сказал Коца.

Помолчав так с минуту, про себе с головы до ног обнажая Катрин, друзья продолжили свой спор, сводившийся к тому, что только тупой может считать, что на крутой вечерине может пригодиться швейцарский нож, и только наивный может допустить, что их пригласили просто так.

– Капздец ты канделябр! – кинув рюкзак, сказал Кекс.

– А причём тут подставка для свечей?

– Ты приколи, сколько там будет всех благ для веселья!

– И..?

– И, – перекивляя друга, сказал Кекс, после чего выдал истину, достойную Омара Хайяма. – Утром после вчерашнего будет такое как сушнячелло, всем захочется открыть пивка, а открывалку такое как забыли. И тут такой я достаю швейцарский нож. Сечёшь?

– Ты Альфа крут – Омега чел!

– Ты просек? Да!?

– Я просек чел...

– Я открываю пивасик, спасаю всех от жажды – и Катрин моя...

– И Катрин твоя, – в тон товарищу, сладко протянул Коца, но одумавшись, за плечо развернув к себе товарища, спросил:

– В смысле твоя, а я?

– А потом твоя...

– А-а-а, – протягивая ладони для того, чтобы дать пять, стонал Коца, не зная, что друг говорил про открывалку, при этом улыбался, как человек, до которого дошло, зачем в женской бане делают дырку.

Единственно, о чём не спорили друзья, так это над истиной, что не стоит перегружать рюкзак туалетной бумагой. Наконец собравшись, друзья одели наушники и, поставив свой любимый трек, помчали на точку сборки. Но не успели они сделать и пару шагов, как остановились по просьбе Кекса, который предложил на всякий случай заглянуть в «личку», куда Катрин должна была сбросить карту маршрута.

– Чел! Какая «личка», там ничего нет. Я этот лес знаю, как свои два пальца! – не вынимая наушники, кричал Коца и, дав товарищу ногою под зад, побежал.

Добежав до точки сборки, друзья скоротали два часа, выясняя, кто из них перепутал время. Зазвонил телефон. Звонила Катрин. Выяснилось, что они еще перепутали место точки сборки.

– Ну, вы жжете, чувачки, – приятным голосом сказала Катрин. – Я же вам в «личку» сбросила карту места сборки.

– А-а-а, в «личку», – перечёркивая большим пальцем шею, сказал Кекс, испепеляющее глядя на Коцу.

Коца, опасаясь праведного гнева, отошёл на безопасное расстояние.

Сделав шаг в сторону, чтобы чего добро не получить пинок под зад, Коца вступил в кучу, которую щедро наложил человек, переевший варёную кукурузу. Вложив весь мировой запас брани в душераздирающий крик:

– О, нет! – Коца шагнул туда, где стоял, и тут же получил пинком под зад.

Не желая остаться в долгу, Коца дал ответный удар ногой. Но Кекс успел отскочить и сразу закричать. Когда же он посмотрел на кончик носа, на котором красовалась кукурузная фрикаделька, то крикнул так пронзительно, что птицы слетели с деревьев, причём одна из них умудрилась полить фрикадельку белым соусом. Заливаясь от смеха, Кекс убежал от товарища, не зная, во что упал его новый смартфон. Резко остановившись, он поднял руку, вызывая о временном перемирии. Теперь очередь смеяться подошла к его товарищу, который забыл, что отдал свой телефон другу, чтобы тот перезвонил Катрин. Из двух телефонов фортуна выбрала Кекса, а смартфон Коцы выпал в кучу, которую наложил человек, переевший кукурузы.

Птицы зря сели на ветки.

– Чувак, надо взять трубку, – протягивая две палочки, сказал Кекс.

– Вот сам и бери!

– Так тебе ж звонят, – сказал Кекс, неправильно поставив ударение в последнем слове.

Взяв палочки, Коца попытался вытащить смартфон, и если бы Кекс не чихнул, то, возможно, телефон не упал бы назад. Коца не ругался только из-за того, что его смешил Кекс, лицо которого стало рыжим от падения телефона назад в кучу.

– Если ты не ответишь, то никакой вечеринки не будет, – сказал Кекс таким спокойным голосом, что Коца передумал говорить шутку: «Рыжий, рыжий конопатый», потому что если бы у Кекса была лопата, то судя по выражению лица, он мог реально убить кого угодно, даже дедушку.

Закрыв нос, Коца палочкой черкнул по сенсорному экрану, и, той же палочкой включив громкую связь, сказал:

– Аллю.

– Привет челчики, вы куда пропали? – сказала Катрин, и глаза парней утонули в тумане блаженства от приятного голоса одноклассницы.

– Так мы это, ждём звонка, – ответил Коца голосом медведя, надышавшегося гелием для шариков.

– Что у тебя с голосом? Ты что, простудился или готовишься к фестивалю по имитации расстроенной скрипки?

Шутка была из серии:

«Извините, а поезд «Киев-Одесса» уехал?

– Да.

– А куда?».

Поэтому парни дружно рассмеялись. Потом пришлось взорваться смехом от шутки про шпагат, на который села русалка.

– Вы что, уже начали праздновать? – все тем же голосом медведя спросил Коца.

– Нет, вас ждём! Ой, у меня сейчас деньги закончатся, – перезвоните.

– Я так понимаю, что это была не шутка, – голосом печальки сказал Коца.

– Как говорил один проктолог: «Место клизмы изменить нельзя», – голосом смайлика сказал Кекс.

– Я так понимаю, это была шутка, – все с той же печалькой в голосе говорил Коца.

Шутки шутками, а перезванивать надо, и тут палочками не обойдёшься. Так что волен-с-не-волен-с, а руки придётся испачкать.

– А чего ты на меня смотришь так, будто я должен вытаскивать смартфон, – возмущался Коца.

– Во-первых, не вытаскивать, а выковыривать, – спокойно говорил Кекс.

– Что значит выковыривать! – вскочив, крикнул Коца.

– Короче, твой смарт, тебе и вытаскивать.

– Слышишь! Сам упустил, сам и выковыривай!

– Ты это слышишь?

– Плохо слышу, но хорошо вижу, – увидев мужика, вышедшего из кустов, сказал Коца.

Посмотрев туда, куда смотрел товарищ, Кекс так испугался, что вместо ругательства сказал, как баба-яга из мультика:

– Что за напасть!

И если бы он вовремя не отскочил, то «напасть» накрыла бы его своим огромным телом.

– Привет, челчики, почему так долго не перезванивали...

Рухнувши, как мешок картошки, «напасть» не просто упала в кучу, а ещё по невероятной случайности лицом нажала на кнопку вызов.

– Эгей, одноклассники, вы где?

– Мы это – тута, – пришёл в себя Кекс.

– И тута и тама, – рассмеялась Катрин, которая собиралась поступать на филолога. – Короче, вы с нами или пойдёте домой к мамочкам?

Мужик вдруг очнулся и, встав на руки, будто собирается отжиматься, глядя на перепуганных товарищей, не сказал, а прошипел на английском языке:

– Помогите...

– Что это было? – поинтересовалась Катрин.

– Это Коца просит помощи, – огрев мужика граблями, сказал Кекс.

Взглянув на друга, Коца не мог не согласиться с тем, что грабли Кекс взял не зря. Промямлив, что ему очень хочется поскорее узнать, куда им ехать...

– Ехать не нужно, надо идти, – перебила Катрин Кекса и подробно объяснила, на какую тропинку нужно свернуть, чтобы найти хижину, где компаха замутила нехилое пати.

Катрин отключилась, наступила пауза. Никто не думал, что на пути к безудержному веселью они встретятся с таким препятствием. Первым нарушил паузу Кекс, идея бросить тело в лесу была заманчива, но мужик очнулся, и пришлось применить грабли. Товарищи переглянулись, и тяжело вздохнув, нехотя потащили тело. Сил хватило на пару метров. Парни бросили тело, чтобы придумать, как облегчить себе задачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.